

Юэ Цянь дал Лю Чжэньхун время прийти в себя, а сам вышел во двор, чтобы привести мысли в порядок. История с извлечением яйцеклеток двадцатилетней давности постепенно прояснялась, но в двух недавних убийствах в деревне Цзячжи всё ещё оставалось слишком много белых пятен. Самым туманным был мотив: зачем кому-то понадобилось убивать Лю Ланьшань и Чжоу Сянъяна?

С одной стороны — дочь жертвы преступного синдиката, с другой — парень, когда-то ослепивший Сюй Мин. Связь между ними казалась натянутой, почти призрачной. Чжоу Сянъян погиб в доме семьи Инь, и Инь Мо по-прежнему оставался под подозрением. Следователь вдруг вспомнил их недавний разговор: мастер тогда интересовался, на чём перевозили тело Лю Ланьшань. С чего бы ему проявлять такое любопытство? Он определенно что-то знал.

Вернувшись в дом, Юэ Цянь застал хозяйку за странным занятием: она одну за другой снимала фотографии со стен. Когда он впервые вошёл сюда с группой оперативников, это обилие портретов молодых женщин навело их на мысли о причастности Лю Чжэньхун к преступлению. Сейчас женщина двигалась плавно, её движения были бережными, а в безумном взгляде проскальзывала нежность.

— Оказывается, у меня всё это время была дочь, — прошептала она.

— Сестра Чжэньхун, — Юэ Цянь прислонился к дверному косяку, — те люди... А Цзюй и остальные... они больше не беспокоили вас после того случая?

Собеседница отложила очередной снимок и покачала головой:

— Нет. Я их больше никогда не видела.

— А вы? Вы пытались их найти?

— Я? — она горько усмехнулась. — Откуда у меня смелость? После тех побоев я несколько лет жила в постоянном страхе, вздрагивала от каждого шороха. Только к старости до меня дошло: таким, как они, на меня плевать. Зачем тратить силы на никчёмную бабу, которая и так рано или поздно сама загниёт?

Юэ Цянь кивнул и задал следующий вопрос:

— А та сокурсница, которая вас с ними свела? Вы с ней общаетесь?

— Она... — Лю Чжэньхун на мгновение задумалась. — Она знала, во что я влипла. Когда я уезжала, она дала мне десять тысяч юаней. Всё извинялась, говорила, что виновата передо

мною. Но за что ей было извиняться? Если бы не она, я бы даже на первый взнос за лечение родителей не наскребла.

— Расскажите о вашей первой встрече с Лю Ланьшань, — попросил офицер. — Вы почувствовали что-нибудь особенное?

Женщина прикрыла глаза, воскрешая в памяти тот день. Это было обычное солнечное утро. Она возвращалась с рынка с полной корзиной карасей, когда услышала незнакомый женский голос. Прожив в деревне Цзячжи столько лет, она знала интонации каждого жителя, поэтому чужой говор заставил её обернуться.

Цю Цзиньбэй, вырядившийся как городской щеголь, навёл смартфон на высокую женщину в темно-зелёном платье. Та с улыбкой объясняла ему, как лучше выставить кадр. Лю Чжэньхун в те годы уже была одержима коллекционированием чужих лиц — ей казалось, что если она будет долго смотреть на красавиц, то когда-нибудь у неё родится такая же дочь. Она подошла поближе, желая рассмотреть гостью.

Цю Цзиньбэй, заметив её, сразу изменился в лице. Он схватил спутницу за руку и что-то быстро зашептал ей на ухо. Девушка посмотрела на Лю Чжэньхун с удивлением, в котором смешалась брезгливость и любопытство. У неё было изысканное, «дорогое» лицо. Лю Чжэньхун невольно улыбнулась ей. Эта улыбка, искажённая нелепым макияжем и дряблой кожей, явно напугала молодых людей — парень с явным отвращением утащил невесту прочь. Старуха осталась стоять на месте, тихо вздохнув.

В последующие дни женщина так или иначе оказывалась неподалёку от дома семьи Цю. Из деревенских сплетен она узнала, что незнакомка — невеста Цю Цзиньбэя, зовут её Лю Ланьшань, она городская и при таких-то данных зачем-то согласилась приехать в эту глушь, чтобы ухаживать за будущими свёкрами и тремя бесполезными золовками.

Лю Чжэньхун зацепилась за имя. Лю Ланьшань... Как созвучно с её собственной фамилией! В воспалённом мозгу зародилась мысль: а вдруг в прошлой жизни эта красавица была её дочерью? Окрылённая этой фантазией, она начала тайно фотографировать девушку в переулках. Та, казалось, заметила слежку. Однажды она обернулась и, сверкнув белыми зубами, улыбнулась Лю Чжэньхун. Старуха улыбнулась в ответ.

Но тут снова возник Цю Цзиньбэй. Заслонив собой невесту, он громко произнёс:

— Это наша деревенская сумасшедшая. Не смотри на неё, привяжется — не обернёшься проблем.

— Да? — простодушно удивилась Лю Ланьшань. — Но она мне так мило улыбается. Может, сфотографируем её? Мне кажется, она не злая. Я бы поболтала с ней, вышел бы отличный материал для ролика.

— Не стоит...

— Ну почему же? Людям такое нравится — экзотика, дикость. Я и название придумала: «Безумная женщина, запертая в деревне»...

В тот раз Цю Цзиньбэю удалось увести её во двор, но Лю Ланьшань не оставила своего намерения.

Лю Чжэньхун проявила новые снимки. Она выбрала лучший и приклеила его на самое видное место.

Спустя несколько дней они столкнулись снова. Цю Цзиньбэя рядом не было. Лю Ланьшань сразу навела на неё камеру. Лю Чжэньхун инстинктивно отвернулась, пытаясь скрыться, но девушка последовала за ней и окликнула у самых ворот:

— Тётушка Лю, вы же меня фотографировали, почему не даёте мне поснимать вас?

Пока хозяйка дома пребывала в растерянности, гостя уже проскользнула внутрь.

— Тётушка Лю, можно мне войти, посидеть у вас?

Лю Чжэньхун почти не принимала гостей, но к молодым женщинам всегда питала необъяснимую симпатию.

— Заходи.

Лю Ланьшань принялась с любопытством разглядывать двор и комнаты. Стоило воротам закрыться, как в её чистых глазах промелькнуло нечто жестокое и злорадное.

— Тётушка Лю, зачем вам столько фотографий женщин? О, и моя тут! — притворно изумилась она. — Зачем вам это, а?

Лю Чжэньхун замялась:

— Я... мне просто...

— А-а, хотите сохранить молодость? Думаете, если посмотрите на красавиц, сами похорошеете? — Лю Ланьшань рассмеялась, и в уголках её глаз появилось что-то демоническое.

Хозяйка не ответила, лишь буркнула:

— Пойду принесу чего-нибудь перекусить.

У неё не было угощений для гостей, кроме наваристого супа из карасей. Она вынесла миску:

— Вот, выпей. Для женщин это очень полезно.

Девушку едва не вырвало от тяжёлого запаха.

— Тётушка Лю, вы в таком возрасте всё ещё надеетесь забеременеть?

Видя, что гостя отказывается, Лю Чжэньхун начала пить сама. Лю Ланьшань некоторое время наблюдала за ней, а потом вдруг усмехнулась:

— Жаль, тётушка. Будь вы помоложе, я бы, может, и помогла вам.

Лю Чжэньхун замерла с ложкой в руке:

— Помогла?

Но та не стала развивать тему. Вместо этого она спросила:

— Вы хорошо знаете трёх сестёр из семьи Цю?

Трёх сестёр Цю Лю Чжэньхун знала с пелёнок. Раньше это были прилежные, добрые девочки, которые только и думали, как помочь семье, хватались за любую работу. Она и сама не заметила, в какой момент они превратились в «паразиток», не желающих палец о палец ударить. Ван Цюхуа каждый день проклинала их за то, что они сосут из брата кровь.

Иногда Лю Чжэньхун хотелось накричать на соседку: «Родила трёх дочерей и ещё недовольна? Если не хочешь растить — отдай мне!»

Деревенские часто косились на старуху и обходили её стороной, но сёстры Цю — никогда. Даже сейчас, когда все в Цзячжи их презирали, они при встрече всегда приветливо кивали ей.

— Они хорошие дети, — искренне ответила женщина.

— Что?! — Лю Ланьшань расхохоталась так громко и картинно, будто услышала лучшую шутку в жизни. — Эти кровососки — хорошие дети? Да Цю Цзиньбэй жил бы припеваючи, если бы не эти три девицы.

Лю Чжэньхун почувствовала укол обиды. Первое впечатление о госте было таким светлым: она казалась ей образованной и доброй. Все в деревне твердили, что Цю Цзиньбэй ей не пара, что она — просто святая, раз согласилась на такой брак. Откуда же в этой красавице вдруг прорезалась такая желчь?

Лю Ланьшань, казалось, вовсе не заботило, что она раскрывает свою истинную натуру.

— Тётушка Лю, скажите честно: почему они до сих пор торчат дома? Может, кто-то их подучил так себя вести?

Лю Чжэньхун покачала головой. Ей и впрямь ничего не было известно, да и само поведение девушки становилось невыносимым. Но та, не обращая внимания на состояние хозяйки, продолжала допытываться о делах семьи Цю. В конце концов старуха встала и начала выпроваживать её за дверь. Лю Ланьшань обернулась на пороге и с издёвкой бросила:

— Старуха, поделом тебе, что ты пустоцветка. С таким-то характером детей у тебя никогда не будет.

Даже Юэ Цяню стало не по себе от этого рассказа. До сих пор погибшая фигурировала в деле как жертва с безупречной репутацией: послушная дочь, защитница Сюй Мин, прилежная невестка — хотя позже и выяснилось, что её забота о доме Цю была лишь игрой ради денег.

Неужели она могла сказать такое? Это звучало настолько мерзко, что походило на бред сумасшедшей.

Сумасшедшей? Погодите-ка...

Юэ Цянь в одно мгновение разгадал психологию Лю Ланьшань. Эта злобная, ядовитая женщина и была настоящей. Образ невинного ангела — всего лишь маска, созданная для публики. Почему она осмелилась раскрыть свою истинную натуру перед Лю Чжэньхун? Потому что Цю Цзиньбэй и другие жители деревни говорили ей, что Лю Чжэньхун — сумасшедшая. Она видела, что всё село презирает её, а значит, словам безумной никто не поверит.

Ей нужен был клапан для сброса напряжения. Устав играть роль пай-девочки, она наконец нашла в лице Лю Чжэньхун идеальную цель для своих нападок.

Мысли следователя неслись вскачь. Он анализировал каждое слово старухи. Покойная постоянно спрашивала о трёх сёстрах Цю. Даже когда Лю Чжэньхун давала понять, что не хочет говорить об этом, она не отступала.

Зачем ей информация о них? Если бы она действительно собиралась замуж за Цю Цзиньбэя, это было бы понятно. Но ведь они не были парой, и замуж она не собиралась. Не слишком ли много внимания золовкам? Причём расспрашивать она решила только «городскую

сумасшедшую», ведь безумная не станет доносить.

Юэ Цянь глубоко вздохнул. Была и ещё одна странность. Как только Лю Чжэньхун вынесла суп из карасей, Лю Ланьшань моментально поняла, что старуха пытается забеременеть. Когда сам Юэ Цянь впервые увидел этот суп, у него и в мыслях не возникло подобных ассоциаций. Да, он мужчина, восприятие другое, но реакция девушки была слишком мгновенной. Как будто она сама или кто-то в её окружении постоянно использовал этот метод.

И эта фраза: «Будь вы помоложе, я бы помогла вам заработать». Юэ Цянь нахмурился ещё сильнее. Что она имела в виду под этим «заработать»? Суррогатное материнство? Или извлечение яйцеклеток? Откуда у неё такие связи? Она не знала, что перед ней её собственная мать, жертва того самого бизнеса, и так легко бросалась подобными словами.

Этот вывод заставил Юэ Цяня содрогнуться, но он тут же покачал головой: такая вероятность была ничтожно мала, если только не найдутся дополнительные доказательства.

— Сестра Чжэньхун, — мягко спросил он, — вы когда-нибудь думали о том, что у вас может быть дочь? Когда вы общались с Лю Ланьшань, у вас не возникало... какого-то особенного чувства?

Кровное родство — штука мистическая, и следователь задал этот вопрос, надеясь на чудо.

— Они говорили, что мои яйцеклетки никуда не годятся... что ни одна не выжила, — Лю Чжэньхун говорила всё тише. — В первый раз сказали, что качество хорошее, но потом, после стольких процедур... А Цзюй, когда избил меня, предупредила: даже не мечтай о детях. Сказала, что такие, как я, не достойны быть матерями.

— Я не знала, что она моя дочь, — прошептала она. — Если бы знала, я бы... я бы относилась к ней лучше.

Голос женщины сошёл на нет.

— Вы живёте здесь очень давно. Знакомо ли вам имя Ли Фухай? — Юэ Цянь сменил тему. — Он из деревни Хуэйпин.

Старуха покачала головой:

— Я никогда не бывала в Хуэйпин.

— Он владелец фабрики булавок, богатый человек по меркам посёлка Цзячжи, — Юэ Цянь достал фотографию Ли Фухая. — Недавно он покончил с собой. Лю Ланьшань незадолго до смерти была на его похоронах.

В тусклых глазах Лю Чжэньхун вдруг вспыхнул огонёк:

— Это он убил мою дочь?!

— Нет, он уже мёртв.

Женщина взяла снимок и начала пристально его изучать.

— Я... кажется, я его видела.

Юэ Цянь тут же достал пачку других фотографий и стал показывать их одну за другой. Он и раньше подозревал, что Ли Фухай мог быть клиентом А Цзюй. И если та делила заказчиков на ранги, то Ли Фухай стоял куда выше Лю Чэна и Ло Мэньюнь.

— Это он? — голос Лю Чжэньхун задрожал. — Это он!

Она указала на фото Ли Фухая в молодости. У полиции на данный момент не располагала снимками мужчины в более раннем возрасте, но этого хватило.

— Где вы его видели?

— В «Гардене»... в отеле «Гарден», — ужас, не утихающий годами, снова исказил её лицо. — Он был вместе с Сестрой Цзюй!

— Он тоже был её клиентом? Но вы говорили, что вам не позволяли видеться с ними.

Лю Чжэньхун отчаянно затрясла головой:

— Нет, он не был клиентом! Он... он будто был её начальником!

— Что?!

— А Цзюй была главной над всеми нами, все её слушались. Но перед ним она кланялась. Будто... будто она была у него в подчинении.

Чёрный туман постепенно рассеивался, слой за слоем обнажая истину. Юэ Цянь чувствовал: разгадка совсем близко.

Ли Фухай был бесплоден. Вместе с женой они обошли сотни врачей, испробовали все методы, но ребёнка так и не дождались. В какой-то момент он вышел на А Цзюй. Или же вся эта банда

была создана им самим? Из отчаявшегося бесплодного мужчины он превратился в расчетливого преступника.

У любого преступления есть корень — потребность. А что может быть сильнее потребности человека, лишённого возможности иметь продолжение рода? В поисках способа завести дитя Ли Фухай нашёл этот чудовищный путь. И пусть у него самого детей так и не появилось, он понял, что на этом можно делать колоссальные деньги.

Перед глазами офицера всплыл образ матери Ли Фухая. Те пышные похороны... Это была не просто дань памяти сыну. Это было искупление. Старуха прекрасно знала, чем промышлял её сын. Пока он был жив, она притворялась немой и слепой. Странное самоубийство Ли Фухая она сочла карой небесной, расплатой за грехи — вот почему те похороны выглядели так дико и неуместно.

Теперь стало понятно, почему делец построил фабрику вдали от родных мест. Он знал, что в окрестностях Цзячжи живут пострадавшие от его деятельности женщины. Он слишком хорошо знал эти края, ведь именно здесь он начинал свою охоту. Возможно, он не боялся, что его узнают, но верил в фэншуй и возмездие, поэтому не рискнул обосноваться в родной деревне.

В зале совещаний полицейского участка воцарилась тишина. Командир Е Бо не ожидал, что два убийства в деревне Цзячжи окажутся так тесно связаны с запутанным делом Ли Фухая. И эта связь не была беспочвенной — Юэ Цянь уже нашёл неопровержимые зацепки. Он посмотрел на молодого следователя. Тот проработал под началом Чэнь Суя всего несколько месяцев, но уже демонстрировал потрясающую хватку и системное мышление.

— Командир Е, есть новости о Ли Цяньцзы? — спросил Юэ Цянь. — Думаю, их развод с мужем был вызван более вескими причинами, чем казалось вначале.

Е Бо очнулся от раздумий:

— С самой Ли Цяньцзы связи пока нет. Но мы изучили её медицинскую карту и нашли гинеколога, которая её вела. В прошлом году женщина созванивалась с ней.

Юэ Цянь кивнул.

— А что с осмотром места происшествия в деревне Хуэйпин? Удалось определить, на чём перевозили тело?

— Фургон или грузовой трицикл, — ответил Е Бо. — Но это лишь мои догадки.

— Догадки?

— Ты и сам видел место — там всё истоптано и разрушено. Но я раньше занимался подобными делами. В такой глуши эти два вида транспорта встречаются чаще всего. На них можно перевозить что угодно, не привлекая внимания. Мотоциклов тоже полно, но на них тело незаметно не провезешь.

— Значит, нужно проверить все фургоны и трициклы в округе, — подытожил Юэ Цянь. — Сравнить образцы почвы.

Чэнь Суй вздохнул:

— Мы уже работаем над этим, но пока безрезультатно.

Юэ Цянь открыл было рот, чтобы рассказать о странном вопросе Инь Мо, но вовремя осёкся. Е Бо заметил его замешательство:

— Есть мысли — выкладывай. Нечего в себе держать.

Офицер с улыбкой покачал головой:

— Да вот, хотел что-то сказать и вдруг из головы вылетело.

— Ну ты и жук, — хмыкнул Е Бо. — Ладно, иди отдыхай. Найдем Ли Цяньцзы — и дело считай в шляпе.

Юэ Цянь вернулся домой. Старик Юэ уже спал. Следователь хоть и вымотался, но сон не шёл. Он присел во дворе, доедая оставленный дедом поздний ужин.

«В шляпе?»

Он не разделял оптимизма капитана. Смерть Ли Фухая могла быть связана с прошлыми грехами, а тёмная сторона Лю Ланьшань начала проступать сквозь слова Лю Чжэньхун. Но при чём здесь Чжоу Сянъян? И эта странная одержимость Инь Мо...

Доев мясо, Юэ Цянь понял, что так и не сможет уснуть. Он вышел из дома, чтобы немного прогуляться. В деревне стояла глубокая тишина. Ноги сами привели его к дому семьи Инь. Грузовик, на котором возили бумажные подношения, стоял у входа в переулок — значит, Инь Мо был дома.

Юэ Цянь заглянул во двор, но там не горело ни одного огонька. Обойдя дом кругом, он повернул обратно.

В это время в доме семьи Ань, что по соседству, Инь Мо сидел на табурете в главном зале и раскрашивал бумажную фигуру. Он снял куртку и засучил рукава чёрного свитера до локтей. В одной руке мастер держал палитру, в другой — кисть. Кожа на его руках, почти не видевшая солнца, была белой, как нетронутая краской бумага. В ярком свете ламп его лицо казалось бесстрастным, а взгляд — предельно сосредоточенным.

Мать Ань Сю уже легла. Сам юноша вынес из кухни две пиалы с танъюань и, осторожно лавируя между разложенными на полу бумажными заготовками, поставил одну рядом с Инь Мо.

— Брат, отдохни немного. Весь вечер работаешь. Я сварил танъюань с кунжутом, как ты любишь.

Инь Мо отложил кисть и посмотрел на угощение, но брать пиалу не спешил.

— В каком году ты начал учиться у меня ремеслу?

Ань Сю опешил.

— Брат, ты чего это вдруг?

Он не ответил, а лишь указал на бумажную фигуру:

— Как тебе этот бумажный человек?

Ань Сю, не понимая, к чему клонит наставник, пожал плечами:

— Ты же сам его делал. Разве он может быть плохим?

Инь Мо протянул ему палитру. Ань Сю машинально принял её.

— Помоги мне, нанеси пару мазков, — произнес Инь Мо.

Фигура была выполнена в нежно-голубых тонах. Ань Сю замер с кистью в руках, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Брат, а для кого этот заказ?

— Для Лю Чжэньхун, — ответил Инь Мо. — Прошлый был почти готов, но его испортили. Пришлось делать заново.

Рука юноши дрогнула.

— Для тётушки Лю... Тогда лучше ты сам заканчивай.

Инь Мо пристально посмотрел на него:

— Почему?

— Моё мастерство с твоим не сравнится. Вдруг ей не понравится? — Ань Сю опустил голову, тень скрыла половину его лица. — Ей точно не понравится.

Он не сводил с ученика глаз:

— Я помню, в детстве ты часто крутился возле её дома.

Ань Сю нахмурился:

— Не было такого. Брат, ты что-то путаешь.

<http://bllate.org/book/15837/1435515>